

ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЦЕНА ПОБЕДЫ

В РУБЛЯХ

РАССЛЕДОВАНИЕ,
ДЛИВШЕЕСЯ 65 ЛЕТ

Максим Кустов

Максим Владимирович Кустов

Цена Победы в рублях

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=602365

Максим Кустов. Цена Победы в рублях: АСТ, Астрель, Полиграфиздат; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-068566-0, 978-5-271-29222-4, 978-5-4215-1396-4

Аннотация

Какие мифы постсоветские пропагандисты сочинили о той войне? Сколько получали воины Красной армии за уничтоженную вражескую технику и что они могли купить на эти деньги? Замерзающим в лютую стужу зимой 1941–1942 годов под Москвой немецким солдатам интенданты вместо теплой одежды, спирта и валенок «заботливо» подвозили вагоны с французским красным вином, по дороге превращавшимся в глыбы льда. Умирающим от голода в Сталинграде солдатам Паулюса транспортные «Юнкерсы» доставляли старые газеты, иностранные ордена, майоран и другие столь же «необходимые грузы». Что это – работа советских разведчиков, тайный саботаж немецких антифашистов или... Эта книга – первое масштабное и действительно сенсационное расследование о том, какую роль во Второй мировой войне сыграли деньги. Имел ли место заговор, и кто за этим стоял! Внимание: приводятся реальные документы, до сих пор хранившиеся в архивах России, Германии и США.

Содержание

Введение	4
Глава первая	7
Платить – так всем летчикам	15
Как считать сбитые самолеты	21
100 000 рублей летчику-испытателю	26
Глава вторая	28
Сколько стоит десантная операция?	28
Почем сегодня горелые «Тигры»	30
Изобретатели не могут питаться «святым духом»	37
Глава третья	39
«Гуляй, рванина, от рубля и выше»	40
Как обеспечивались семьи военных	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Максим Кустов

Цена Победы в рублях

Введение

Существует устойчивый стереотип: американский солдат воюет за деньги, советский или российский – исключительно «за идею». Между тем, вопреки общераспространенному мнению, в СССР в годы Великой Отечественной войны была создана достаточно сложная система денежного вознаграждения за военные успехи. Эффективность боевой работы оценивалась в рублях. Уничтожение вражеской боевой техники, эвакуация и ремонт своей – все имело свою рублевую цену.

Разумеется, это ни в коем случае не означает, что денежное вознаграждение играло какую-то заметную роль в стремлении бойцов и командиров Красной армии защищать Родину. Патриотизм и готовность погибнуть в бою на рубли не пересчитаешь. Но, тем не менее, руководство СССР наряду с моральным поощрением и воспитанием патриотизма не забывало и о материальном стимуле.

К сожалению, до сих пор этот вопрос еще никем подробно не рассматривался. Можно встретить только отдельные упоминания о денежных выплатах советским военным как в исследованиях по военной истории, так и в мемуарах ветеранов. Но цельная картина денежных взаимоотношений в Советском Союзе (в том числе и на его оккупированных территориях) во время Великой Отечественной войны, а особенно в Красной армии, еще не создавалась. В советское время эта тема могла считаться просто неуместной по отношению к Великой Отечественной войне, отчасти это было вполне справедливо. Сейчас обычно внимание и исследователей, и читателей привлекают другие темы, прежде всего ход важнейших сражений, возможности их, так сказать, переиграть. Так называемая «альтернативная» история в сознании многих чересчур ею увлекающихся персон начинает просто вытеснять настоящую. Еще более заманчиво выглядит возможность обличить полководцев Великой Отечественной. Особенно, естественно, достается крупнейшей исторической фигуре – Георгию Константиновичу Жукову. Чаще всего обличение строится по принципу – «Жуков тупо окружил японцев и бездарно уничтожил».

На таком фоне изучение военно-финансовых вопросов выглядит не слишком благодарным и привлекательным занятием. Отсюда и дефицит работ на эту тему.

В этой книге **впервые** рассматривается история формирования во время Великой Отечественной войны системы материального поощрения советских войск за боевые успехи. Надо отметить, что данная система начала внедряться в Красной армии уже с лета 1941 года и, в первую очередь, в военно-воздушных силах. Понятно, почему процесс материального стимулирования за боевые успехи начался именно с ВВС. Война в воздухе складывалась летом 1941 года особенно трагически, даже на фоне того, что творилось на земле. И боевые успехи, которых все же добивались советские летчики в такой ситуации, выглядели особенно ценными. Конечно, вряд ли Сталин рассчитывал переломить ход воздушной войны, введя «сдельную» оплату для летчиков, а затем и наземного технического персонала. Но и пренебрегать фактором материального стимулирования он не стал.

А вслед за летчиками денежными премиями стали поощрять и сухопутные войска – артиллеристов, танкистов, пехотинцев. Но если в ВВС платили за успехи в различных видах боевой деятельности, то в сухопутных войсках «расчетной» единицей стало уничтожение вражеского танка.

Но сами по себе суммы, которые выплачивались отличившимся воинам, ничего не скажут современному читателю. Необходимо их с чем-то сравнивать, чтобы оценить их реальную стоимость в ту эпоху. Кроме того, возникает вопрос о том, соблюдался ли приказ о денежных выплатах в военное время. Поэтому в данной книге собраны сведения о штатно-должностных окладах командного состава, о том, сколько получали снайпера, автоматчики и штрафники. Рассматривается вопрос о том, насколько аккуратно выплачивались заслуженные фронтовиками деньги. Читатель сможет узнать о самом «высокооплачиваемом» бое в войне, о максимальных суммах, оказавшихся на сберегательных книжках офицеров к концу боевых действий.

И, конечно же, невозможно оценить истинную цену премиальных выплат за боевые успехи, не зная того, что на них можно было купить. Поэтому в книге приводятся цены, сложившиеся в тылу. Разумеется, в разные периоды войны и в разных регионах страны они существенно различались.

Еще раз повторю, к сожалению, до сих пор в отечественной историографии как-то не принято было рассматривать финансовые вопросы эпохи Великой Отечественной войны. Поэтому круг использованных монографий оказался несколько ограниченным. Зато очень широко использовались первоисточники – приказы народного комиссара обороны и его заместителей периода Великой Отечественной войны, опубликованные в сборнике «Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР» за 22 июня 1941 г. – 1945 г. Вторым основным источником сведений стали мемуары людей, переживших войну – как на фронте, так и в тылу, и в оккупации. Помимо напечатанных воспоминаний, неоценимую помощь в подготовке книги оказали материалы интернет-сайта «Я помню» (также содержащего воспоминания о войне). Автор хочет выразить особую благодарность создателям данного сайта, поскольку они помогли и до сих пор помогают (сайт постоянно пополняется новыми материалами) сохранить уникальный пласт народной военной истории – какой война и жизнь во время войны были в восприятии обычных людей, как фронтовиков, так и гражданского населения.

Следует отметить еще одно интернет-достижение последних лет, которым автор счел возможным широко воспользоваться при подготовке данной книги, – это электронные библиотеки. Последнее время в Интернете помимо библиотек, включающих в себя в основном художественные произведения, появляются и специализированные, посвященные определенным темам. Особенно в этом плане хочется выделить высокопрофессиональный сайт-библиотеку «Военная литература», отличающийся как широчайшим выбором представленных там произведений по военной тематике, так и прекрасно разработанной системой поиска. Автор широко привлекал размещенные на данном сайте труды, особенно мемуары, часть которых была опубликована только в Интернете. К сожалению, поэтому автор не всегда в ссылках может, помимо названия книги, указывать и страницы цитирования.

Помимо этого автор считает допустимым использование и художественных произведений, основанных на личном опыте автора, современника и участника описываемых событий.

Может быть, кто-то возразит: уместно ли исчислять подвиги, героизм и жертвы Великой Отечественной войны в денежном эквиваленте? Такая постановка вопроса казалась раньше и кажется сейчас несвоевременной. Дескать, как это можно воинский подвиг рублем измерять...

Конечно же, нельзя, ни в коем случае. Конечно, не о грядущей премии думал пилот, отправляющийся на боевой вылет, или артиллерийский наводчик, видящий в прицеле немецкий танк. Под неприятельским огнем обычно приходят другие мысли.

Но поскольку премии за боевые успехи существовали в ту эпоху (да и гражданское население без денег или их эквивалента не смогло бы существовать), они – часть истории,

которая нуждается в изучении. Разумеется, предлагаемая читателю книга «Цена Победы в рублях» не даст ответов на все «военно-финансовые» вопросы, связанные с Великой Отечественной войной. Но, надеюсь, данный труд сформирует некое представление о них. Тема эта, как и почти все военные темы, – необъятна. «Рублевая» грань войны – тоже ее неотъемлемая часть.

Если читатель, перевернув последнюю страницу этой книги, признает, что узнал нечто новое, ранее ему неизвестное, – значит, автору удалось выполнить намеченную задачу.

Глава первая

Сколько стоит побомбить Берлин?

Первым из нормативных документов Великой Отечественной войны, в котором речь шла о денежном вознаграждении за военный успех, стал приказ о поощрении участников бомбардировки Берлина, который нарком обороны, Иосиф Сталин, подписал 8 августа 1941 года.

В нем было сказано:

«В ночь с 7 на 8 августа группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила город Берлин.

5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города.

Объявляю благодарность личному составу самолетов, участвовавших в полете.

Вхожу с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о награждении отличившихся.

Выдать каждому члену экипажа, участвовавшему в полете, по **2 тысячи рублей**.

Впредь установить, что каждому члену экипажа, сбросившему бомбы на Берлин, выдавать по **2 тысячи рублей**.

Приказ объявить экипажам самолетов, участвовавших в первой бомбежке Берлина, и всему личному составу 81-й авиадивизии дальнего действия.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН»¹.

Впоследствии с «уравниловкой», когда одинаковая сумма вручалась каждому члену экипажа самолета, бомбившего Берлин, было покончено.

Согласно приказу наркома обороны от 26 марта 1943 года командир корабля, штурман и борттехник за каждую успешно выполненную бомбардировку политического центра (столицы) противника получал денежную награду в размере все тех же **2000 рублей**, а остальные члены экипажа – в размере **1000 рублей** каждый. Таким образом, остальные члены экипажа – стрелки-радисты и воздушные стрелки – стали получать вдвое меньше. Но зато к Берлину в материальном отношении были приравнены Будапешт, Бухарест и Хельсинки, которые время от времени бомбила советская авиация.

Летом безрадостного 1941 года желание Сталина наградить участников успешного воздушного рейда на вражескую столицу не только орденами вполне понятно. Эти летчики в тот трагический период стали любимцами армии и народа. Трудно переоценить ободряющее психологическое воздействие этих налетов в период почти непрерывного отступления советских войск. Все еще не так плохо – ведь наша авиация бомбит Берлин.

Хотя дислокация авиачастей, участвовавших в бомбежках Берлина, была строжайшей военной тайной, местное население, живущее поблизости от аэродромов, как водится, прекрасно знало «берлинских» летчиков и всячески демонстрировало им свои симпатии.

Вот как об этом вспоминал один из современников: «У инвалида махорку покупали немногие, и он между делом организовал игру в

¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 47–48.

„веревочку“; лихо метал шнурок, набрасывая три петельки и предлагая желающим угадать, какая из трех затянется на пальце. Если петелька затягивалась, инвалид платил махоркой, если соскальзывала с пальца – а это случалось чаще, – требовал деньги. Мы часто приходили понаблюдать за игрой, стараясь разгадать ее секреты.

Однажды, прервав игру, инвалид указал грязным пальцем на летчиков, покупавших у одной из трех баб-мумий топлёнку, и с гордостью сказал:

– Смотри туда, хлопцы! Вон те ребята Берлин бомбят!

В поселке поговаривали, что на аэродроме базируется соединение тяжелых дальних бомбардировщиков, которые взлетают ночью и уходят куда-то далеко за реку. Собирая сухие сучья и шишки вместо дров, с опушки леса мы часто видели идущие на посадку четырехмоторные бомбардировщики. Это были Пе-8. Но то, что именно они летают на Берлин, никто из нас не знал. Только после войны, когда работал уже секретарем горкома ВЛКСМ и меня однажды пригласили в городской Дом культуры на встречу ветеранов, я и узнал, что в то время в поселке базировалось соединение, созданное по приказу Ставки в марте 1942 года с целевым назначением – полеты на фашистский Берлин.

А в тот слякотный октябрьский день трое молодых ребят, одетых в одинаковые меховые регланы с капюшонами, спокойно пили топлёное молоко. Когда они проходили мимо нас, инвалид вдруг закричал хриплым, срывающимся голосом:

– Бей их, гадов! Бей их, сволочей, за мои ноги!

Один из летчиков обернулся, и я запомнил его: красивое, чуть овальное лицо, карие глаза и пышные черные усы. Роста небольшого, стройный, с мягкой пружинистой походкой. Он ничего не сказал инвалиду, только посмотрел как-то особенно пристально и, мне показалось, едва улыбнулся...»²

Надо заметить, что летчики авиации дальнего действия прекрасно понимали значение налетов на Берлин и то, как по-особому к ним относятся окружающие. Герой Советского Союза летчик Борис Тихомолов написал в воспоминаниях:

«Радиодиктор Юрий Левитан, которого Гитлер посулил повесить, как только немецкий сапог ступит в Москву, торжественно вещает всему миру: „Большая группа наших самолетов бомбардировала военно-промышленные объекты Берлина, Кенигсберга, Данцига, Штеттина...“

Мы, летчики, все экипажи, все, кто в данный момент находились в части, собирались возле репродуктора и слушали в строгом молчании. Да, это о нас, о нашей работе, о наших делах. Мы понимали: сейчас это сообщение Совинформбюро слушает вся страна. Слушают женщины-работницы, недавние домохозяйки, с потемневшими от металла пальцами и почти такими же от недоедания и недосыпания лицами, заменившие у станков мужей, готовящие оружие и боеприпасы для фронта. Колхозницы, одни в обезлюдевших деревнях кормящие армию и город, сами впрягающиеся в плуги, чтобы пахать землю, потому что лошадей почти не стало. Они слушали эту сводку, и на душе у них становилось легче: значит, не только фашисты бомбят наших, но наши им тоже дают... И пехотинцам,

² Муштаев В.П. Вижу Берлин! Повесть хроника. М.: Молодая гвардия, 1979.

артиллеристам, саперам – всем родам наземных войск, испытавшим на себе удары «юнкерсов» и «мессершмиттов», им тоже становилось веселее, и крепла вера в нашу конечную победу. Да и у самих летчиков АДД – авиации дальнего действия – распрямлялись плечи: нет, ничто не проходит бесследно, и наши жертвы тоже. Пусть не спят по ночам и трясутся от страха немецкие бюргеры. Пусть их гансы и фрицы на передовой получают из дома тревожные вести»³.

Летчикам, совершавшим налеты на вражескую столицу, прощали многое из того, что не простили бы другим. Вот как встретили на земле после налета на Берлин в 1942 году экипаж Тихомолова. В нарушение приказа, категорически запрещавшего посадку в Москве, объявленной запретной зоной, Тихомолов по техническим причинам посадил свой самолет на центральном московском аэродроме:

«Самолет приволокли на стоянку. Именно приволокли. Крупный осколок снаряда вклинился в тормозной диск колеса да так и застрял в нем. Выпали из-под крыльев светящиеся рваными дырами посадочные щитки. Из-под раскромсанных капотов черной блестящей струей текло на землю масло.

С красной повязкой на рукаве из служебного здания вышел дежурный. Еще издали крикнул:

– Кто вас сюда звал? Вы что, не знаете, что здесь запретная зона?!

Подбежал, козырнул официально, явно собираясь ругаться, но, взглянув на машину, обмяк:

– Где это вас так?

– Над Берлином.

– О-о-о!.. – В глазах испуг и уважение. – Тогда другое дело! – Снова козырнул. – Извините, пойду доложу. – И, придерживая рукой кобуру пистолета, убежал.

– Ишь ты, он доложит, – проворчал штурман, доставая из кармана портсигар. – А пригласить нас в помещение не дотумкал.

Я взглянул на Евсеева. Лицо прозрачное, зеленое, под глазами черные круги. Подошли Заяц с Китнюком. Тоже – видик...

Заяц усталым движением потер ладонями лицо, сказал смущенно:

– Не смотрите так, товарищ командир, вы тоже не лучше выглядите. Дать вам зеркальце?

– Нет, Заяц, не надо. Не хочу разочаровываться.

Только сейчас я ощутил в себе страшную усталость. Это была не та усталость, при которой человек, получив возможность отдохнуть, падает, проваливается в блаженное ничто. Это была совсем другая усталость, когда каждая клетка тела, отравленная, нокаутированная – взлетом, спадом, жизнью, смертью, – немеет и, теряя чувствительность ко всему, вдруг начинает постепенно возвращаться к жизни. И возвращение это несет с собой такую вездесущую и опустошающую боль, что порой кажется – уж лучше умереть бы!

Были бы мы сейчас в полку, оглушили бы себя перед завтраком (или перед ужином?) добрым стаканом водки – к ней я уже не испытываю прежнего отвращения, – добрались бы кое-как до своих коек и умерли б

³ Тихомолов Б.Е. Небо в огне. Краснодар: Книжное издательство, 1972.

на несколько часов. Но это в полку, а здесь... Действительно, почему этот дежурный капитан не пригласил нас в помещение?

Подавляя в себе уже знакомое мне растущее чувство беспричинного гнева, я полез на машину, вынул из кабины парашют и лег на крыле, положив парашют под голову.

Но лежать было неудобно. Меня раздражало серое небо, смешанные с дымом облака, приземистое здание аэродромной службы, скрип железного флюгера на старинном шпиле. В голове позванивало: треньк! треньк! треньк! А изнутри на черепную коробку что-то давило, причиняя тошнотворную боль.

Черт знает что! Долго мы будем находиться так, в полной неизвестности?

На крыло, пытаясь, взобрался Евсеев. Лег рядом, пахнув на меня табачным перегаром.

– И как мы долетели, командир, ума не приложу! В правом моторе все кишки перемешались. Масляный бак разбит. Генератор вдребезги.

– Черт с ним, с генератором!.. – меня мутило. – Важно, что мы целы и сидим... в запретной зоне.

– Вот и плохо, что в зоне. В приказе расписывался? Расписывался, а сам же его и нарушил! Потянут нас с тобой к ответу.

Меня отпустило. Конечно, на время, на несколько секунд, но какие это были блаженные секунды! Мысль ясная, четкая, во всем теле легкость.

– Не потянут, – сказал я, все еще боясь открыть глаза. – Избитый вдрызг самолет из Берлина. За тридевять земель. Из фашистского царства, из гитлеровского государства. Что ты, Коля! – Мне снова стало дурно. – О, ч-черт, как я устал!

– Тихо! – сказал Евсеев. – Смотри.

Я открыл глаза. Рядом с самолетом стоял камуфлированный лимузин и какой-то коренастый полковник в очках, заложив руки в карманы распахнутой шинели, с задумчивой внимательностью смотрел на самолет. Потом нерешительно, словно боясь, что его окриknут, подошел к обвисшим посадочным щиткам и что-то вынул оттуда. Это был небольшой, длиной со спичку, с острыми рваными краями осколок зенитного снаряда. Покрутив им перед толстыми стеклами очков, полковник вынул из кармана кителя бумажник и положил в него находку.

– Порядок! – шепнул Евсеев. – Теперь он пошлет железку домой и опишет всякие там страсти-мордасти.

Я не ответил, мне было нехорошо. Но об этом полковнике я почему-то не мог думать плохо. Уж очень много было у него уважения к этому страшному сувениру, привезенному ценой смертельной опасности и больших страданий из самого логова врага.

Потом подъезжали еще машины. Вылезали майоры, полковники, подполковники. Смотрели, обменивались вполголоса замечаниями и, бросая украдкой взгляды на нас, неподвижно лежащих на крыле, уезжали.

Мы уже почти по-настоящему задремали, когда нас разбудил громкий окрик:

– Эй, люди, кто тут есть живой, вылезай!

Мы поднялись. Завозились в своей кабине Заяц с Китнюком. Небольшого росточка, юркий капитан, проворно выскочив из машины, громко хлопнул дверкой:

– Поднимайтесь, герои, я за вами приехал! Мы сползли с крыла на землю. Капитан подлетел, щелкнул каблуками, лихо козырнул:

– Здравствуйте! Я из штаба АДД. Мне приказано отвезти вас в столовую. Затем за вами прилетят. – И он с подчеркнутой вежливостью пожал нам руки. Потом обежал самолет, сунул кулак в пробоину в крыле, поцокал языком: – Здо-о-орово вас попотчевали! – И тут же заторопился: – Поехали, товарищи.

Мы втиснулись в «ЗИС».

– Ну и разговору тут о вас! – сказал капитан, когда машина выехала на шоссе. – Подумать только – от самого Берлина, да еще в таком состоянии! – И внезапно перейдя на шепот, повернулся ко мне, многозначительно поднял палец к потолку: – Звонок о вас дошел даже доверху. Во!

У меня екнуло сердце. Доверху! Может быть, после этого и мы тоже найдем свои фамилии в списках Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР? А почему бы и нет! У нас с этим вот вылетом стало ровно пятьдесят боевых. Кроме того, из девяти глубоких рейдов на столицы и административные центры воюющих против нас государств мы сделали восемь. Из трех самых наитяжелейших рейдов нашей авиации на Берлин мы сделали три! Никто не сделал столько. Разве только молодой талантливый летчик Герой Советского Союза гвардии капитан Молодчий.

Зря мы ездили в столовую. Громадный зал, спешащие на службу люди. Все одеты, как полагается. А мы в комбинезонах, в лохматых, пахнущих псиной унтах. В руках планшеты, шлемофоны, меховые перчатки. Лица зеленые, прозрачные.

Когда мы вошли, в зале – на секунду, не больше – произошло замешательство. На секунду стих гул, на долю секунды – короткие взгляды, брошенные, будто невзначай в нашу сторону. Затем победила столичная корректность. Все занялись своими делами, но в воздухе еще витали обрывки разговора:

– Экипаж из Берлина...

– Берлин бомбили...

– Ну-у-у?!

– Плохая погода – мало дошло...

– А этих подбили...

Мы сели к столу и, взгромоздив себе на колени свое «барахло», уткнулись взглядами в скатерть. Тотчас же к нам подплыла дебелая официантка с покрашенным ртом. Хлоп-хлоп! – перед нами тарелочки с перловой кашей и сбоку, выпятив голые ребра, – какая-то костлявая рыбешка.

Есть не хотелось. Давила усталость. Мы выпили отдаленно-сладкого чая, пахнувшего мочалкой, и поднялись.

– Мерси!

Официантка проводила нас жалостливым взглядом.

Словно во сне мы вышли на улицу, сели в машину, приехали на аэродром. Погода улучшилась. По умытому небу плыли чередой редкие клочки облаков, и от них по земле, догоняя друг друга, бежали по-осеннему четкие тени.

В воздухе прогудел «ИЛ-4», сделал круг, выпустил шасси, приземлился и подрулил прямо к нам.

«За нами, – догадался я. – Кто там, интересно?»

Из самолета вылез и легко соскочил на землю невысокий, коренастый летчик. Я пригляделся: командир корпуса Логинов!

Сон продолжался. Он не очень удачно начался, но так сказочно кончается. Раз прилетел сам генерал, значит, действительно, наша посадка в Москве наделала много шума.

Генерал усадил нас в самолет и привез домой. Мы снова оказались в столовой.

Стакан чуть-чуть разведенного спирта, отбивная с жареным картофелем, соленые огурчики. Огненная жидкость враз растеклась по жилам, снимая без остатка мучительную боль и страшную усталость. Душа покатилась в розовый рай. Передо мной сидел усердно работавший ножом и вилок розовощекий, бодрый, помолодевший на сто лет Евсеев. И говорил он умные-умные вещи. Смешные. По стенам столовой порхали веселые солнечные зайчики, и в воздухе висела радость. Задание выполнено! Задание выполнено! Было так хорошо!»⁴

Какая там ответственность за посадку в Москве! Эти летчики Берлин бомбили. Генерал лично обеспечил им нормальное питание. А Сталин приказал выдать по две тысячи рублей каждому.

Повышенное внимание к материальному стимулированию тех, кто, по его мнению, был в данный момент особенно необходим в важном деле, Сталин проявлял и до начала войны. Необходимость подкрепить энтузиазм рублем он вполне понимал.

Вот какой эпизод приведен в воспоминаниях Главного маршала авиации Александра Голованова. Он, в ту пору шеф-пилот Аэрофлота, после финской войны предложил создать соединение в 100–150 самолетов, способное выполнять особо важные задания в глубоком тылу противника при любых метеоусловиях. Сталину идея понравилась, и он решил для начала создать полк, способный решать такие задачи. Возглавить полк он предложил Голованову, не забыв при этом позаботиться о том, чтобы новое назначение не нанесло материального ущерба летчику:

«– А теперь у меня к вам вопрос, – подойдя, сказал Сталин. – Сколько жалованья вы получаете?

– Постановлением Совнаркома мне, как шеф-пилоту Аэрофлота, определено **четыре тысячи рублей в месяц**, – несколько озадаченно ответил я.

– А сколько получает командир авиационного полка? – спросил Сталин, обращаясь к наркому обороны Маршалу Советского Союза Тимошенко.

– У нас такого оклада и нарком не получает. Командир полка получает у нас тысячу шестьсот рублей, – ответил маршал Тимошенко.

Стало тихо.

– А сколько же вы вообще зарабатываете? – спросил Сталин. Разговор принимал неприятный для меня оборот.

– Товарищ Сталин, я за деньгами не гонялся и не гонюсь. Положено тысячу шестьсот рублей – буду получать такой оклад.

⁴ Тихомолов Б.Е. Небо в огне.

– А все-таки, сколько вы зарабатываете?

– Много, – ответил я несколько повышенным тоном и умолк.

Мне было неприятно и обидно, что столь хорошо начавшийся разговор об организации полка вдруг переключился на меркантильные, второстепенные, как я считал, вопросы.

Я почувствовал, что мой ответ воспринят присутствующими неблагоприятно. Сталин ходил молча, покуривая трубку. Поравнявшись со мной, он остановился и спокойно сказал:

– Ну вот что, вы, как командир полка, будете находиться на казенных харчах, вас будут задаром обувать и одевать, у вас будет казенная квартира. При всем этом, видимо, целесообразно оставить вам получаемое жалованье. Зачем обижать человека, если он идет на ответственную, серьезную работу? Как, товарищи? – обратился он к присутствующим.

Послышались голоса: «Правильно, правильно!»

– Вы удовлетворены? – спросил он, обращаясь ко мне.

– Конечно, вполне удовлетворен, товарищ Сталин.

– Ну вот и хорошо. Пора уже вам одеваться в военную форму и приступать к работе. Форму вам шьют?

– Наверное, скоро сошьют, – ответил я.

Приказа о моем назначении и присвоении мне воинского звания еще не было, поэтому и формы не было, но говорить об этом Сталину я постеснялся. К тому же я испытывал естественное чувство неловкости от такого внимания ко мне. Позже я узнал, что дело было не во мне, что у Сталина было в обычае не только спрашивать с людей, но и заботиться о них. Мне, например, пришлось быть свидетелем такого случая. В 1942 году промышленность перебазировалась на восток, но не все ладилось в ее организации. Плохо шли дела с программой на одном из танковых заводов. Обсуждался вопрос: что делать? Кто-то из товарищей предложил послать туда директором завода одного из замнаркомов, сильного организатора, который сумеет выправить положение.

Сталин спросил:

– Сколько получает директор завода?

Ему назвали сумму.

– А замнаркома?

Оказалось, намного больше.

– Семья у него есть? – Последовал утвердительный ответ.

– Как же вы его будете посылать директором завода и снижать его зарплату, если он хороший работник?

– Он коммунист и обязан выполнять решения.

– Мы все не эсеры, – заметил Сталин. – А со своей должностью он здесь справляется?

– Вполне.

– А вы говорили ему, что хотите рекомендовать его на должность директора завода?

– Нет.

Наступила длительная пауза. Наконец Сталин заговорил:

– Вот у нас есть некоторые господа коммунисты, которые решают вопросы так: раз ты коммунист, куда бы тебя ни посылали, что бы с тобой ни делали, кричи «ура» и голосуй за Советскую власть. Конечно,

каждый коммунист выполнит любое решение партии и пойдет туда, куда его посылают. Но и партия должна поступать разумно. Вряд ли тот или иной коммунист будет кричать «ура», если вы бросите его на прорыв и за это сократите ему жалованье в два раза, хотя вам он об этом, возможно, ничего и не скажет. Откуда вы взяли, что мы имеем право так поступать с людьми? Видимо, если мы действительно хотим поправить дело, целесообразно все блага, которые он получает здесь, оставить его семье, а его послать на завод, и пусть там работает на жалованье директора завода. Поставит завод на ноги – вернется обратно. Думается, при таком решении и дело двинется, и энергии у человека будет больше»⁵.

Надо заметить, что метод материального стимулирования для того, чтобы «дело двинулось», Сталин на войне использовал весьма активно. Поразительно, до чего иногда здраво товарищ Сталин смотрел на вещи, четко понимая значение материальной заинтересованности человека в успехе порученного ему дела. К сожалению, на подавляющую часть населения страны это его понимание не распространялось.

Мысль о том, что нужно платить летчику для стимулирования труда, для Сталина была естественна, но при этом он почему-то полагал, что колхозник, получающий печально знаменитые «палочки» – трудодни, вполне обойдется без средств к существованию, но при этом будет исправно обеспечивать страну продовольствием, выплачивать бешеные налоги и «добровольно» подписываться на многочисленные государственные займы, многократно превышающие его легальные доходы.

⁵ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... М.: Дельта НБ, 2004. С. 44–46.

Платить – так всем летчикам

Видимо, мысль о материальном стимулировании Сталину понравилась, и он решил впредь премировать летчиков и наземный персонал не только за бомбардировки Берлина. Теперь речь шла уже не о вознаграждении относительно небольшой группы элитных летчиков, бомбивших Берлин, а о распространении этого опыта на все советские ВВС.

19 августа 1941 года Сталин подписал приказ «О порядке награждения летного состава военно-воздушных сил Красной Армии и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков»⁶.

В приказе подробнейшим образом регламентировался порядок награждения летчиков всех видов авиации. Так, летчиков-истребителей за три сбитых вражеских самолета было приказано представлять к награждению орденом, за три следующих сбитых – ко второму ордену. За 10 сбитых самолетов противника летчиков-истребителей следовало представлять к высшей награде – званию Героя Советского Союза (позднее количество необходимых для этого сбитых самолетов увеличилось, и во второй половине войны для получения Золотой Звезды требовалось 15 побед).

Столь же подробно регламентировался и порядок награждения летчиков, штурманов и стрелков-радистов в других видах авиации. Им первый орден полагался за два сбитых самолета противника, а за восемь – звание Героя. Но прежде всего учитывалось количество успешных дневных и ночных боевых вылетов. Помимо правительственных наград предусматривалось и материальное вознаграждение.

Так, за один сбитый самолет противника летчикам-истребителям полагалась денежная награда в размере **1000 рублей** (столько же получал и любой член экипажа разведчика или бомбардировщика, лично сбивший самолет).

Подобнейшим образом регламентировались расценки за различные виды вылетов:

– за выполнение 5 боевых вылетов на уничтожение войск противника летчик-истребитель получал денежную награду **1500 рублей**;

– за выполнение 15 боевых вылетов летчик-истребитель представлялся к правительственной награде и получал денежную награду **2000 рублей**;

– за выполнение 25 боевых вылетов летчик-истребитель представлялся ко второй правительственной награде и получал денежную награду **3000 рублей**;

– за выполнение 40 боевых вылетов летчик-истребитель представлялся к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза и получал денежную награду **5000 рублей**⁷.

От представления к званию Героя за 40 боевых вылетов быстро пришлось отказаться – слишком много Героев бы пришлось награждать.

За уничтожение самолетов противника на аэродромах летчики-истребители премировались и представлялись к правительственной награде:

– за успешное выполнение 4 боевых вылетов на уничтожение самолетов противника на его аэродромах летчик-истребитель получал денежную награду **1500 рублей**;

– за успешное выполнение 10 боевых вылетов днем или 5 вылетов ночью летчик-истребитель представлялся к правительственной награде и получал денежную награду **2000 рублей**;

⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 64–68.

⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 64–68.

– за успешное выполнение 20 боевых вылетов днем или 10 вылетов ночью летчики-истребители представлялись ко второй правительственной награде и получали денежную награду **3000 рублей**;

– за успешное выполнение 35 боевых вылетов днем или 20 вылетов ночью лица летного состава представлялись к высшей правительственной награде – званию Героя Советского Союза и получали денежную награду **5000 рублей**.

Наибольшие выплаты были связаны с представлением к званию Героя Советского Союза (**5000** или **3000** рублей в зависимости от того, за что представляли к званию). **5000 рублей** полагались представленному к званию Героя за десять сбитых самолетов противника. А вот в ближнебомбардировочной и дальнеразведывательной авиации

«за 40 заданий днем или 15 заданий ночью каждое лицо из состава экипажа представляется к званию Героя Советского Союза и получает **3000 рублей**»⁸.

Почему представленный к званию Героя истребитель получал **5000 рублей**, а бомбардировщик или разведчик **3000 рублей**, понять сложно. Также непонятно, почему летчикам-истребителям было приказано платить по **1000 рублей** за каждый сбитый самолет противника, а вот в ближнебомбардировочной и штурмовой авиации по мере увеличения количества сбитых самолетов размер их оплаты урезался по мере возрастания. В ближнебомбардировочной и штурмовой авиации летчик, штурман или стрелок-радист, лично сбивший 1 самолет противника, получал денежную награду **1000 рублей**; 2 самолета противника – представлялся к правительственной награде и получал **1500 рублей**; 5 самолетов противника – представлялся ко второй правительственной награде и получал **2000 рублей**; 8 самолетов противника – представлялся к званию Героя Советского Союза и получал денежную награду в **5000 рублей**.

Получается какая-то дискриминация бомбардировщиков и штурмовиков. Неужели в августе 1941 года, в период господства люфтваффе в воздухе, Сталин думал об экономии, о том, чтобы сбившие несколько «мессеров» пилоты, штурманы и стрелки-радисты бомбардировщиков и штурмовиков слишком уж не обогатились? Получается, что думал.

Были установлены и расценки за успешное выполнение заданий по разведке противника:

«За 10 боевых заданий днем или 5 боевых заданий ночью каждое лицо из состава экипажа получает денежную награду **1000 рублей**»⁹.

Кроме того, для летчиков была предусмотрена денежная награда за сбережение материальной части и полеты без поломок и аварий:

«Летчики, независимо от стажа и командной категории, за каждые 100 полетов, за исключением полетов по кругу, без всяких летных происшествий – получают награду 5000 рублей»¹⁰.

Не был забыт и наземный персонал:

«За быстрый и качественный восстановительный ремонт самолетов личный состав походных авиаремонтных мастерских премировать денежной наградой в размере **500 рублей** за каждый восстановленный самолет»¹¹.

⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 64–68.

⁹ Указ. соч.

¹⁰ Указ. соч.

¹¹ Там же.

Кроме того, «технический состав, обслуживающий самолеты, получает денежную награду в размере **3000 рублей** при условии безотказной работы материальной части и при отсутствии невыходов ее в полет за каждые 100 самолето-вылетов»¹².

Но это были деньги, которые предстояло поделить участникам ремонта и обслуживания самолетов. Приказом было предусмотрено, что

«руководящий инженерный состав получает 25 % денежной награды от общей суммы премирования технического состава части»¹³.

«Расценки» на сбитые самолеты противника для истребителей впоследствии были принципиально скорректированы в «Приказе о действиях истребителей по уничтожению бомбардировщиков противника». Потребовалось добиться от пилотов прежде всего уничтожения вражеских бомбардировщиков.

Приказ № 0489 от 17 июня 1942 года гласил:

«На всех фронтах наши летчики-истребители при встречах с воздушным противником в большинстве случаев в первую очередь атакуют истребителей противника, а затем уже его бомбардировщиков. Эта привившаяся тактика действий в нашей истребительной авиации совершенно неправильна... основная и главная задача наших истребителей заключается в том, чтобы в первую очередь уничтожить вражеских бомбардировщиков, не дать им возможности сбросить свой бомбовый груз на наши войска, на наши охраняемые объекты. Надо понять, наконец, что, уничтожая бомбардировщиков противника, наши истребители этим самым уменьшают ударную силу авиации противника и наносят ему наибольший материальный ущерб»¹⁴.

Чтобы летчики это лучше поняли, было приказано:

«В целях поощрения боевой работы летчиков-истребителей установить с 20 июня с. г. денежную награду в следующих размерах:

- за каждый сбитый бомбардировщик противника выплачивать **2000 рублей**;
- за каждый сбитый транспортный самолет противника выплачивать **1500 рублей**;
- за каждый сбитый истребительный самолет противника выплачивать **1000 рублей**.

На звание Героя Советского Союза представлять таких летчиков-истребителей, которые собьют в воздушных боях 10 истребителей противника или 5 бомбардировщиков. Выплату за сбитые самолеты противника производить в случаях подтверждения этого наземными войсками, фотоснимком и докладами нескольких экипажей.

Установленные ранее размеры вознаграждения за сбитые самолеты – отменить»¹⁵.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 255–256.

¹⁵ Там же.

Таким образом, бомбардировщик оценивался вдвое дороже истребителя, транспортный самолет дороже в полтора раза. Самолеты-разведчики противника пока в рублях не оценивались. Но **1000-рублевая** самолетная «уравниловка» 1941 года кончилась.

Возможность подтвердить уничтожение самолета противника у советских пилотов была далеко не всегда. Далее мы увидим, как это сказалось на оценке эффективности действий советских пилотов.

В тот же день, 17 июня 1942 года, был подписан приказ № 0490. В нем было сказано:

«Наши штурмовые авиачасти по вине авиационных и общевойсковых командиров совершенно не используют или плохо используют штурмовики Ил-2 в качестве дневных бомбардировщиков, а посылают эти самолеты для действия по противнику только с боекомплектom для пушек, пулеметов и с подвеской эрзесов. Мы можем и должны значительно увеличить наши бомбардировочные дневные удары по противнику, но для этого надо немедленно покончить с вредной практикой недооценки самолетов Ил-2 как дневных бомбардировщиков и добиться того, чтобы ни один самолет Ил-2 не вылетал в бой без полной бомбовой нагрузки». Было приказано «установить для летчиков-штурмовиков денежное вознаграждение в размере 1000 рублей за каждые 4 вылета с полной бомбовой нагрузкой при выполнении боевого задания по бомбометанию и штурмовым действиям по живой силе противника или по танкам и мотоколоннам»¹⁶.

То есть один вылет летчика-штурмовика с полной бомбовой нагрузкой – **250 рублей**.

Принцип материального поощрения мог использоваться и, так сказать, с обратным знаком. Платить за любой вылет, независимо от его результативности, Сталин не собирался. И о том, чтобы за бесполезные вылеты не платили, он позаботился.

В «Приказе об установлении понятия боевого вылета для истребителей» № 0685 от 9 сентября 1942 года было сказано:

«...предусмотрены для летного состава в качестве поощрения денежные вознаграждения и правительственные награды за боевые вылеты с выполнением боевой задачи. Этот приказ в авиачастях извращен на фронтах. Боевым вылетом неправильно считают всякий полет на поле боя, независимо от того, выполнена или нет истребителями возложенная на них боевая задача. Такое неправильное понятие о боевом вылете не воспитывает наших истребителей в духе активного нападения на самолеты врага и дает возможность отдельным ловкачам и трусам получать денежное вознаграждение и правительственные награды наравне с честными и храбрыми летчиками. В целях ликвидации такой несправедливости и для того, чтобы поощрять только честных летчиков, а ловкачей и трусов выявлять, изгонять из рядов наших истребителей и наказывать их, приказываю:

1. Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника.

2. Засчитывать сбитыми самолетами за летчиками только те самолеты противника, которые подтверждены фотоснимком или донесением наземного наблюдения.

¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 256–257.

3. Выплату за боевые вылеты и представления к правительственной награде впредь производить, строго руководствуясь пунктами 1 и 2 настоящего приказа.

4. Летчиков-истребителей, уклоняющихся от боя с воздушным противником, предавать суду и переводить в штрафные части в пехоту.

5. Приказ объявить всем истребителям под расписку.

Народный комиссар обороны И. Сталин»¹⁷.

При том, что творилось во фронтовом небе в сентябре 1942 года, вряд ли вопрос о том, будет ли вылет признан боевым и оплачен, имел для летчиков принципиальное значение. Но, тем не менее, о материальном вознаграждении и лишении его в случае необходимости Сталин не забывал.

Для летчиков очередные коррективы в расценки за боевые успехи были определены в *«Положении о наградах и премиях для личного состава военных воздушных сил Красной Армии, авиации дальнего действия, истребительной авиации ПВО. ВВС военно-морского флота за боевую деятельность и сохранение материальной части»*, которое Командующий Военными воздушными силами Красной Армии маршал авиации Новиков подписал 30 сентября 1943 г.¹⁸

Согласно этому документу, члену экипажа за каждый сбитый самолет типа бомбардировщик, разведчик или транспортный полагалось **1500 рублей**. За каждый сбитый самолет прочих типов – **1000 рублей**. Таким образом, премия за сбитый бомбардировщик «урезалась» с 2000 рублей (согласно приказу № 0489 от 17 июня 1942 года) до **1500 рублей**. Бомбардировщик приравнивали к разведчику и транспортному самолету.

Трудно понять, почему не был выделен в отдельную категорию знаменитый немецкий самолет разведчик «Фокке-Вульф-189», из-за своего внешнего вида прозванный «рама». Упоминания о том, как нелегко было его уничтожить, часто встречаются в воспоминаниях летчиков. Например, Герой Советского Союза Георгий Гордеевич Голубев, летавший в паре с Александром Покрышкиным, писал в мемуарах об этом самолете: *«Наши летчики хорошо знают «раму»: машина не скоростная, но маневренная, ее геометрические размеры невелики. В силу всего этого сбить «Фокке-Вульф-189» очень трудно»*¹⁹.

Его ведущий, трижды Герой Советского Союза Александр Иванович Покрышкин, разделял мнение своего ведомого о «раме»: *«Она подолгу висела над артпозициями и окопами, корректируя огонь своей артиллерии. Наши пехотинцы не знали, что предпринять против этого наводчика. Они связывали с „рамой“ все неприятности: внезапные артиллерийские обстрелы, налеты „юнкеров“, тяжелые потери, неудачные контратаки. И если наш истребитель сбивал ФВ-189, ему аплодировали все, кто наблюдал за боем. Летчики тоже считали за большую удачу свалить корректировщика на землю»*²⁰. Но оценена эта «большая удача» особой премиальной суммой не была.

Предусматривалась оплата за пораженные паровозы противника. Летчику и штурману, входящим в состав экипажа, за каждый уничтоженный паровоз или вызванное крушение поезда противника каждому по 750 рублей. Всем остальным членам экипажа – каждому по 500 рублей.

Впервые появились расценки на самые высокооплачиваемые с этого момента цели – морские:

¹⁷ Там же. С. 297–298.

¹⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1943 г. – 1945 г. Т. 13 (2–3). С. 207–214.

¹⁹ Голубев Г.Г. В паре с «сотым». М.: ДОСААФ, 1978.

²⁰ Покрышкин А.И. Небо войны. М.: Воениздат, 1980.

За потопление миноносца
или подводной лодки противника:

Летчику	10 000 рублей
Штурману	10 000 рублей
Каждому из остальных членов экипажа по	2500 рублей
За потопление транспорта противника:	
Летчику	3000 рублей
Штурману	3000 рублей
Каждому из остальных членов экипажа по	1000 рублей

За потопление сторожевого корабля
или тральщика противника:

Летчику	2000 рублей
Штурману	2000 рублей
Каждому из остальных членов экипажа по	500 рублей

За потопление баржи, буксира
или вооруженной шхуны противника:

Летчику	1000 рублей
Штурману	1000 рублей
Каждому из остальных членов экипажа по	300 рублей

Таким образом, один потопленный миноносец или подводная лодка (**10 000 рублей**) «стоили» пяти бомбежек Берлина (**2000 рублей**) для пилота, штурмана, бортмеханика, десяти для стрелка-радиста или воздушного стрелка (**1000 рублей**).

Потопленная баржа для пилота и штурмана (**1000 рублей**) стоила двух танков наводчику орудия или противотанкового ружья (**500 рублей** – см. ниже).

Как считать сбитые самолеты

Несколько лет тому назад настоящим потрясением для любителей военной истории стало появление информации о количестве самолетов, сбитых немецкими асами в годы Великой Отечественной войны. Чего стоит один Эрих Хартман с 352 официальными воздушными победами. Как же так – у многих немецких асов количество воздушных побед измеряется сотнями, а у советских – десятками? Самый результативный советский летчик-истребитель – трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб сбил 62 самолета противника, а трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин – всего 59.

После некоторого замешательства в отечественной исторической литературе и публицистике начались поиски объяснения этому. Основные тезисы заключались в следующем:

- количество сбитых немцами самолетов завышено более чем в 6 раз из-за того, что у них была система баллов за количество моторов на самолете, и факт сбитого самолета противника подтверждался лишь фотографиями того, что стрельба в самолет была;
- победы лучших немецких асов сознательно раздуты немецкой пропагандой, что в результате привело к краху люфтваффе;
- немецкие асы не принимали воздушные бои с нашими асами и занимались в основном добиванием «подранков»;
- победы советских летчиков занижены в несколько раз, в силу сложности подтверждения фактов сбития самолетов, установленных в Красной армии.

Вот как пишет А. Пекарш во вступительной статье к сборнику – интервью с ветеранами-летчиками (составленному А. Драбкиным):

«Я дрался на истребителе» сформулировал сложность подсчета сбитых самолетов: «Следует понять, что установление числа побед, реально одержанных летчиком-истребителем, является достаточно трудной задачей.

Для начала необходимо четко представлять разницу между термином «подтвержденная победа» и реально сбитым самолетом – боевой потерей противника, что во многих случаях (если не в большинстве) далеко не одно и то же. Во все времена и во всех ВВС мира под термином «воздушная победа» понимается засчитанный по тем или иным правилам и утвержденный командованием факт уничтожения вражеского самолета. Как правило, для подтверждения было достаточно заявки летчика и доклада непосредственных участников боя, иногда подкрепленных свидетельством наземных наблюдателей. Естественно, что на объективность донесений летчиков в не лучшую сторону влияли сами условия динамичного группового воздушного боя, проходившего, как правило, с резкими изменениями скоростей и высот – в такой обстановке следить за судьбой поверженного противника было практически невозможно, а зачастую и небезопасно, так как шансы самому тут же превратиться из победителя в побежденного были очень высоки. Доклады же наземных наблюдателей зачастую вообще были лишены практической ценности, так как, даже если бой и происходил непосредственно над наблюдателем, определить, кем конкретно сбит самолет, какого типа и даже установить его принадлежность было достаточно проблематично. Что уж говорить о крупных воздушных битвах, которые неоднократно разыгрывались в небе над Сталинградом, Кубанью или Курской дугой, когда десятки и сотни самолетов вели затяжные бои весь световой день от рассвета и до заката! Вполне

понятно, что множество засчитанных по всем правилам на счета летчиков «сбитых» вражеских самолетов благополучно возвращались на свои аэродромы. В среднем соотношение записанных на счета летчиков и реально уничтоженных самолетов для всех ВВС воюющих сторон колебалось в пределах 1:3–1:5, доходя в периоды грандиозных воздушных сражений до 1:10 и более.

Хотелось бы отметить, что нередко были случаи, когда воздушная победа заносилась на счет не ее автора, а другого летчика. Мотивы при этом могли быть совершенно различные – поощрение ведомого, обеспечившего ведущему успешные результаты боя, пополнение счета товарища, которому не хватало одного-двух сбитых до получения награды (которые, как известно, у летчиков-истребителей достаточно жестко были привязаны к количеству одержанных побед), и даже, если так можно выразиться, «право сильного», когда командиру засчитывали на боевой счет достижения подчиненных (было и такое).

Еще одним фактором, вносящим путаницу в определение окончательного счета конкретного летчика, являются нюансы, присущие классификации воздушных побед, принятой в советских ВВС. Как известно, на протяжении всей войны здесь существовало разделение воздушных побед на две категории – личные и групповые. Однако предпочтения, к какой категории отнести заявку на сбитый самолет, с ходом войны существенно менялись. В начальный период войны, когда удачно проведенных воздушных боев было гораздо меньше, чем поражений, а неумение взаимодействовать в воздушном бою было одной из главных проблем, всячески поощрялся коллективизм. Вследствие этого, а также для поднятия боевого духа все заявленные сбитыми в воздушном бою самолеты противника нередко заносились как групповые победы на счет всех участников боя, вне зависимости от их количества. Кроме того, такая традиция действовала в ВВС РККА со времен боев в Испании, на Халхин-Голе и в Финляндии. Позже, с накоплением опыта и появлением успехов, а также с появлением четко привязанной к количеству побед на счету летчика системы награждений и денежных поощрений, предпочтение стало отдаваться личным победам. Однако к тому времени в советских ВВС было уже достаточно большое количество летчиков-истребителей, имевших на счету по десятку и более групповых побед при двух-трех лично сбитых самолетах противника. Решение было простым и парадоксальным одновременно: в некоторых полках был произведен пересчет части групповых побед в личные, чаще всего из соотношения 1:2, т. е. летчик с 5 личными победами и 25 групповыми превращался в аса с 15 личными и 5 групповыми, что во второй половине войны автоматически делало его кандидатом на присвоение звания Героя Советского Союза. В ряде случаев в штабах частей и соединений, не утруждая себя пересчетами, поступали еще проще: победы, необходимые летчику для получения той или иной награды, «добирались» из числа групповых, одержанных в предыдущие периоды боевой работы, при этом разделение сбитых на «лично» и «в группе» в наградных документах попросту опускалось»²¹.

²¹ Драбкин А. Я дрался на истребителе. М.: Яуза, ЭКСМО, 2006. С. 13–16.

О том, что количество официально признанных и реально сбитых летчиком самолетов противника совсем не одно и то же, постоянно вспоминают ветераны. Вот, например, отрывок из интервью с Николаем Герасимовичем Голодниковым:

«Что касается его личного счета, то, я думаю, он (знаменитый ас Борис Сафонов, погибший в 1942 году) сбил больше, чем 22 немецких самолета. Сафонов великолепно стрелял и, бывало, в одном бою сбивал по два, по три немецких самолета. Но у Сафонова было правило – „больше одного сбитого за бой себе не писать“. Всех остальных он „раздаривал“ ведомым. Хорошо помню один бой, он сбил три немецких самолета и тут же приказ, что один ему, один – Семененко (Петр Семененко летал ведомым у Сафонова) и один еще кому-то. Петя встает и говорит: „Товарищ командир, да я и не стрелял. У меня даже перкаль не прострелен“. А Сафонов ему и говорит: „Ты не стрелял, зато я стрелял, а ты мне стрельбу обеспечил!“ И такие случаи у Сафонова были не единожды»²².

Он же:

«У немцев довольно легко победы подтверждались, часто было достаточно только подтверждения ведомого или фотоконтроля. Собственно, падение самолета их не интересовало, особенно к концу войны. А у нас тяжело. Причем с каждым годом войны тяжелее и тяжелее. Со второй половины 1943 года сбитый стал засчитываться только при подтверждении падения постами ВНОС, фотоконтролем, агентурными и другими источниками. Лучше всего – все это вместе взятое. Свидетельства ведомых и других летчиков у нас в расчет не принимались, сколько бы их ни было. У нас случай был, когда наш летчик Гредюшко Женя одним снарядом немца сбил. Они шли четверкой и сошлись с четверкой немцев. Поскольку Гредюшко шел первым, то „пальнул“ он разок из пушки, так сказать, „для завязки боя“. Был у нас такой „гвардейский шик“ – если мы видели, что внезапной атаки не получается, то обычно ведущий группы стрелял одиночным из пушки в сторону противника. Такой „огненный мячик“ вызова – „Дерись или смывайся!“ Вот таким одиночным и пальнул Женя издали, а ведущий „мессер“ возьми да и взорвись. Попадание одним снарядом. Остальные „мессера“, конечно, врассыпную. В общем, уклонились от боя. Поскольку летали над тундрой, в немецком тылу, подтвердить победу никто не мог. Ни постов ВНОС, ни точного места падения немца (ориентиров никаких). Да и как искать, упали одни обломки. Фотоконтроль тоже ничего не отметил, издали стрелял. Расход боекомплекта – один 37-мм снаряд на четыре самолета. Так эту победу ему и не зачли, хотя три других летчика прекрасно видели, как он немца разнес.

Вот так. «Постороннего» подтверждения нет – сбитого нет. Только потом, неожиданно, пришло подтверждение сбитого от пехотинцев. Оказывается, этот бой видела их разведгруппа в немецком тылу (возвращались к своим, тащили «языка»). По возвращении они этот воздушный бой и сбитого немца отметили в рапорте. Бывало и так.

И у меня есть неподтвержденные. Сколько? Ну их. Это как после драки кулаками махать»²³.

²² Драбкин А. Я дрался на истребителе. С. 218.

²³ Драбкин А. Там же. С. 274–275.

Еще один летчик-ветеран, Александр Ефимович Шварев, тоже подтверждает чрезвычайную придирчивость командования в подсчетах сбитых самолетов:

«— Как засчитывались победы?

— Это очень сложный вопрос. Я вам говорил, что, сколько я ни сбивал, практически никогда не было возможности до конца досмотреть, упал враг или нет. Надо было смотреть за теми, кто в воздухе остался, чтобы тебя не сбили, или за теми, кого ты прикрываешь. Я просто докладывал, что я стрелял. А сбил или нет — это уже ведомые говорят, им было виднее. С их слов говоришь, куда именно враг упал.

Туда посылают человека. И если кто-то там из пехотинцев дает подтверждение, то самолет тебе засчитывают.

Конечно, самолет, упавший на немецкой территории, засчитывать таким способом не было возможности. Здесь уже верили словам летчиков. И то у нас был командир Головня, так его прозвали Фомой Неверующим. Базанов сбил три самолета в одном бою. Головня говорит: «Не верю». Мол, раз сбил над территорией противника, то как угодно можно сказать. Но Базанов не сдается: «Полетели, я вам покажу, где упали». И вот они полетели. Головня увидел, тогда только засчитали.

— Как вы полагаете, приписки были?

— Черт его знает. В нашем полку не было. Почему? Потому что у нас была дружеская спайка. Если кто задумал щегольнуть или прихвастнуть, сразу сажали его на место»²⁴.

А Борис Николаевич Еремин вспоминает о необычайной сложности подсчетов сбитых вражеских самолетов, не говоря уже о всевозможных комбинациях с ними, или, наоборот, «подарках» товарищам от широты души:

«...У меня к Сталинграду считалось только 9 сбитых, хотя фактически было 15–16 самолетов. Я их раздавал тем, кто со мной летит. У немцев подход был другой. Попал в кинофотопулемет — пишет себе сбитие. А у нас, чтобы подтвердить, что ты сбил, — напарники должны подтвердить, наземные службы подтвердить; если стоит кинофотопулемет, то и его данные нужны. И все это оформляется. Достаточно было верить кинофотопулемету. А то пока соберут запросы, подтверждения, падал ли такой-то самолет такого-то числа?... А иногда ведь и не падал. Его подобьешь, а он жить хочет, тянет к себе. У меня был такой случай: под Луганском мы с летчиком Глазовым (Глазов Николай Елизарович, старший лейтенант. Воевал в составе 11 ИАМ и 31 ГИАП. Всего за время участия в боевых действиях выполнил 537 боевых вылетов, в 80 воздушных боях сбил 17 самолетов лично и 7 в группе. Герой Советского Союза, награжден орденами Ленина (дважды), Отечественной войны 1-й ст., медалями. Погиб при таране самолета противника 30.07.43. — прим. М. Быкова), возвращаясь с разведки, увидели немецкого корректировщика FW-189. Машина для немцев хорошая, для нас — плохая, сбить трудно. Я скомандовал: „Прикрой, атакую!“ Отчетливо помню — попал по балкам; он тем не менее продолжает делать крутые развороты, а я все время выскакиваю, никак не могу замкнуться на него. Говорю: „Глазов, выходи, бей“. Он очередь дал, и самолет ушел. Сбит или не сбит? Уже после войны я выступал перед летчиками в Луганске; после

²⁴ Дробкин А. Я дрался на истребителе. Там же. С. 92–93.

выступления подходит ко мне полковник: „Товарищ генерал! Вы сказали, что встречались с ФВ189?..“ – „Да“. Он рассказал, что когда мальчишкой был, видел: этот самолет сел в балку, на фюзеляж вышел один летчик, а второй не выходил. Потом его вытащили... Вот как, только после войны узнал, что мы сбили самолет! Конечно, это сбитие нам не засчитали.

С моей точки зрения, и ребята со мной согласны, дело с учетом сбитых у нас было поставлено плохо. Первые дни мы не особенно и считали. Никто не думал, что за эти самолеты будут давать ордена и звезды. Только к концу Сталинградской битвы этот вопрос немного стал упорядочиваться. Во всяком случае, нам стало известно, что за десять сбитых самолетов присваивают звание Героя, за 3 сбитых самолета над Сталинградом дают орден. Я получил орден Красного Знамени (вручал Еременко, тогда еще не маршал) за сбитые самолеты под Сталинградом.

Часто, чтобы поддержать молодых, мы отдавали им участие в сбитии. Самолеты себе не брали, а писали на группу. А ведь и Покрышкин, и Кожедуб сразу стали писать на себя, поскольку начали воевать позднее. А мы, те, кто был на фронте с первых дней, отдавали на группу»²⁵.

Похоже, что сложности, связанные с тем, чтобы летчику засчитали сбитый им самолет, действительно сказались на признании результативности советских асов. Будь правила подсчета сбитых вражеских самолетов менее жесткими, количество признанных побед наших летчиков увеличилось бы неоднократно.

²⁵ Там же. С. 148–149.

100 000 рублей летчику-испытателю

Помимо премирования боевых летчиков на фронте, существовала подобная практика и для летчиков-испытателей. Конечно, испытатели помимо этого получали и заработную плату. Известен размер оплаты труда летчиков-испытателей в войну. 19 апреля 1943 года маршал авиации Новиков утвердил «Положение о летчиках-испытателях военного представительства ВВС Красной Армии». Согласно этому положению, военное звание летчика-испытателя 1-го разряда – подполковник, полковник. Оклад денежного содержания для летчика-испытателя 1-го разряда устанавливается **2200 рублей** в месяц. Военное звание летчика-испытателя 2-го разряда – майор, подполковник. Оклад денежного содержания для летчика-испытателя 2-го разряда устанавливается **1800 рублей** в месяц. Военное звание летчика-испытателя 3-го разряда – капитан, майор с окладом денежного содержания в **1600 рублей** в месяц. Военное звание летчиков-испытателей 4-го разряда – старший лейтенант, капитан с окладом содержания **1400 рублей** в месяц²⁶.

Премировали летчиков-испытателей за особо опасные испытания, причем достаточно щедро. В воспоминаниях испытателя Вадима Викторовича Мацкевича есть такой эпизод:

«За риск при испытаниях была назначена большая по тому времени премия: летчику — **100 000 рублей**, инженеру – **60 000 рублей**, технику – **30 000 рублей**»²⁸. Премия действительно щедрая. Вот только... досталась она семьям погибших испытателей. Автор воспоминаний в роковой день не принял участия в испытаниях. Жизнь ему спасла... вороватость кого-то из техников самолета: «Но, видимо, судьба берегла меня для чего-то важного в жизни. 21 января, забравшись в кабину Me-110, я обнаружил, что кто-то отвинтил пластмассовый шарик с ручки отопителя кабины. Эта ручка располагалась около правой ноги оператора радиолокатора (то есть моей). Я сам давно зарился на этот очень красивый шарик с яркими цветными прожилками, у нас еще не умели делать подобных пластмасс. Словом, шарика нет, торчит лишь оголенная железная ручка. В хищении никто не признался, хотя было понятно, что, кроме техников, в кабину самолета никто забраться не мог.

Мы уже отлетали и шли на посадку на двух моторах (слава богу!), когда летчик объявил, что не выпускается правое шасси самолета, стал его вытряхивать и вместе с ним вытряхнул из сиденья и меня. Когда я падал со своего места, острая ручка отопителя, оставшаяся без защитного шарика, вонзилась мне в ногу почти до самой кости, пропорыв унты и толстые брюки. Кровь забрызгала кабину. Но злополучное шасси все-таки вышло, мы сели»²⁹.

На следующий день, увидев, в каком состоянии находится Мацкевич, ведущий инженер Осипов решил лететь сам вместо него. Из этого полета испытатели не вернулись. Мацкевич свои деньги за испытания решил передать их семьям.

За смертельно опасную работу летчикам-испытателям действительно платили щедро. **100 000 рублей** – это для летчика 50 бомбардировок Берлина или другой вражеской столицы.

²⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13(2–3). С. 122–123.

²⁸ Мацкевич В.В. Солдат империи. М.: Русское слово – РС, 2006. С. 27–28.

²⁹ Там же. С. 26–27.

Пожалуй, летчики-испытатели и члены их семей были самой официально обеспеченной категорией населения в тылу (воры и спекулянты не в счет – их обеспеченность была неофициальной). Мацкевич, например, имел обыкновение, уходя в испытательный полет, оставлять на столе карточки, деньги и золотые часы «Павел Буре». «В случае чего» его товарищам надлежало пропить деньги и карточки, а часы отослать матери испытателя...

Глава вторая

Поощрение десантников и наземных войск

Сколько стоит десантная операция?

В августе 1941 года, помимо летчиков, решено было материально поощрять воздушных десантников. 29 августа 1941 года Сталин подписал приказ № 0329 «Об улучшении руководства воздушно-десантными войсками Красной Армии». Согласно приказу, «за каждое участие в боевой десантной операции весь состав, принимающий непосредственное участие в таковой, получает: начальствующий состав – месячный оклад; рядовой и младший начальствующий состав – по 500 рублей»³⁰.

Таким образом, получается, что участие в боевой воздушно-десантной операции рядового или сержанта оценивалось как четвертая часть бомбардировки Берлина (2000 рублей).

Знаменитый советский кинорежиссер Григорий Наумович Чухрай, в годы войны офицер ВДВ, описал, что такое «участие в боевой десантной операции».

Будущий режиссер «Баллады о солдате» попал в воздушно-десантные войска довольно необычным путем – он опасался трибунала. Дело было в том, что ему, младшему сержанту, приказали... командовать взводом. Можно было бы только радоваться такому крутому карьерному взлету, если бы взвод поголовно не состоял из только что призванных торговых работников. При первом же появлении немцев уважаемые завмаги дружно попрятались на дне окопа, один из них даже напялил противогаз трубкой кверху. Ругань и пинки молодого командира не помогли поднять взвод... После того как немцы отошли, а пришедшие в себя солдаты от прилавка принялись возмущаться полученными пинками и прозвучавшими выражениями, Григорий Чухрай понял, что следующий бой для него может закончиться трибуналом, когда взвод торгашей разбежится. Тут очень кстати появился майор, объявивший о наборе добровольцев в ВДВ. Торговые работники ужасно удивились тому, что их взводный согласен прыгать немцам в тыл. Чухрай объяснил, что готов прыгать к черту на рога, только без них.

Ему довелось участвовать в неудачной высадке за Днепром осенью 1943 года:

«Команда «пошел!» – и солдаты стали покидать самолет, стараясь прыгать как можно более кучно. Передо мной должен был прыгнуть солдат Титов. На нем была тяжелая, мощная рация. Да и сам он был мощный парень, спортсмен по поднятию тяжестей. Он глянул вниз и уперся руками в края люка.

– Не пойду! Днепр!

Медлить было нельзя. Я уперся ногой в спину Титова и вытолкнул его из самолета, а сам устремился за ним. Оказавшись в воздухе, я сначала ничего не понял: внизу пылал огонь. Горели крестьянские хаты. В свете пожаров белые купола парашютов были отчетливо видны на фоне темного неба. Немцы открыли по десанту огонь чудовищной силы. Трассирующие пули роем вились вокруг каждого из нас. Многие наши товарищи погибали, еще не долетев до земли. Я натянул стропы, купол парашюта перекосялся и я камнем полетел к земле. Но не рассчитал: слишком поздно отпустил стропы.

³⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 75.

Купол парашюта снова наполнился воздухом, но не смог погасить скорость. Удар о землю был очень сильный. Потеряв сознание, я покати́лся вниз по крутой круче. Очнувшись, я хотел освободиться от парашюта, но не смог. Я был, как в кокон, замотан в купол, ничего не видел и был совершенно беспомощен. Стал искать финку (мы все прыгали с финками), но амуниция на мне перекрутилась, руки запутались в стропы, и финку я никак не мог достать. Я слышал собачий лай и картавые крики немцев и представил себе, как немцы обнаружат меня, беспомощного, запутавшегося в стропях, и будут смеяться... И я заплакал... Заплакал от обиды. Я готов был умереть, но не мог допустить, чтобы враг смеялся. Собрал все свои силы, я сделал еще одно отчаянное усилие и, исцарапав в кровь руки, каким-то странным способом добрался до финки. Распоров «кокон», я выскочил наружу и спрятался за ближайшую копну сена. В это время на круче показались два немца. Я видел их на фоне неба. Один из них дал длинную автоматную очередь по моему парашюту. Он, очевидно, предполагал, что парашютист еще там. И только затем оба осторожно стали подходить к оставленной мной куче из строп, купола и вещмешка. Как только они оказались ко мне боком, я открыл огонь и уложил их обоих. А сам бросился наутек»³¹.

Григорию Наумовичу Чухраю, как офицеру, полагался за участие в десантной операции месячный оклад. К сожалению, он не упомянул о том, получил ли его. Но надо отметить, что массовые воздушно-десантные операции в годы Великой Отечественной проводились редко. Воздушных десантников чаще использовали как отборную пехоту. И платить им за десантные операции приходилось нечасто.

³¹ Чухрай Г.Н. Моя война. М.: Алгоритм, 2001. С. 231–232.

Почем сегодня горелые «Тигры»

Наземные войска премировались скромнее, чем военно-воздушные силы. Для наземных войск денежная премия полагалась за уничтожение неприятельских танков. Не случайно именно за их уничтожение платили танкистам, артиллеристам и пехотинцам. Понятно, что не были предусмотрены премиальные выплаты за уничтожение живой силы противника. Во-первых, как-то неудобно было бы платить за убитых солдат противника. Во-вторых, можно представить себе, во что вылились бы попытки подсчитать уничтоженных солдат противника и определение того, кто именно их уничтожил. И как раненых солдат противника – оплачивать или нет?

И артиллерийские орудия, уничтоженные во время артиллерийских дуэлей, как сосчитать? Учитывать подбитые танки противника было все-таки проще.

«Танки мы хорошо учитывали – за них деньги платят», – подчеркнул в своих мемуарах танкист Василий Павлович Брюхов³². Сначала появились приказы о денежном премировании за ремонт и эвакуацию собственных танков, а лишь затем – за уничтожение танков вражеских.

25 февраля 1942 года Сталин подписал приказ № 0140 «О премировании личного состава автобронетанковых ремонтных частей за быстрый и качественный ремонт танков»³³. Согласно приказу, с 1 марта 1942 года за быстрый и качественный текущий ремонт тяжелого танка КВ надлежало платить **350 рублей**, а за средний ремонт – **800 рублей**. За ремонт среднего танка Т-34 – **250 и 500 рублей**, за ремонт легких БТ, Т-26, Т-40, Т-60 – **100 и 200 рублей**. В приказе было оговорено, что командиру и комиссару с каждой выплаты полагалось по 5 % каждому. Не менее 70 % общей суммы предназначались для награждения рабочего состава части.

Остальная сумма премии распределялась начальником и военным комиссаром среди начальствующего и обслуживающего состава ремонтно-восстановительной части.

Затем настал черед премирования за эвакуацию своих поврежденных танков. Согласно «Приказу о введении денежных наград за эвакуацию танков во фронтовых условиях и установлению премирования за ремонт боевых и вспомогательных машин на хозрасчетных автобронетанковых рембазах» № 035733, подписанному заместителем народного комиссара обороны СССР генерал-лейтенантом танковых войск Федоренко, 7 мая 1942 года была установлена денежная награда: за каждый эвакуированный танк с территории, занятой противником, или из нейтральной зоны, в размере: за танк КВ – **5000 рублей**, Т-34 – **2000 рублей**, Т-60, Т-70 – **500 рублей**. За эвакуацию танков других марок размер премий устанавливается соответственно: за тяжелый танк – **5000 рублей**, за средний танк – **2000 рублей**, за легкий танк – **500 рублей**. Эти премии полагались экипажам танков и эвакуационным группам.

Далее мы увидим, что за подбитые танки противника платили значительно меньше, чем за эвакуацию своих танков. Эвакуация одного своего тяжелого танка оценивалась как десять подбитых вражеских (**5000 и 500 рублей**).

Правда, надо учесть, что поврежденный танк сложно эвакуировать из вражеского тыла силами одного только экипажа. Денежная награда предназначалась всей группе участников эвакуации бронетехники. Понятно, что громадину КВ оценили в 10 раз дороже, чем легкий танк Т-60. Но поражает разница в оценке эвакуации Т-34 и того же КВ. Неужели КВ расценивался настолько дороже «тридцатьчетверки»?

³² Интернет-сайт «Я помню».

³³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 159–160.

Впоследствии были установлены расценки за ремонт артиллерийского и стрелкового оружия. Согласно приказу № 98 от 31 марта 1942 года «О премировании личного состава ремонтных органов ГАУ Красной Армии за быстрый и качественный ремонт артиллерийского и стрелкового вооружения»³⁴ надлежало платить:

³⁴ Там же. С. 190.

№№ пп	Наименование вооружения	Категория ремонта	
		текущий ремонт	средний ремонт
1	За каждое отремонтированное орудие корпусной артиллерии и АРГК	100 руб.	200 руб.
2	За каждое отремонтированное орудие зенитной артиллерии	75 руб.	150 руб.
3	За каждое отремонтированное орудие дивизионной артиллерии	40 руб.	80 руб.
4	За каждое отремонтированное орудие полковой артиллерии	30 руб.	60 руб.
5	За каждое отремонтированное орудие противотанко- вой артиллерии	15 руб.	30 руб.
6	За каждый отремонтированный станковый пулемет	10 руб.	20 руб.
7	За каждый отремонтированный ручной пулемет и автомат	5 руб.	10 руб.
8	За каждые отремонтированные 100 винтовок	100 руб.	200 руб.

Расценки на ремонт стрелкового оружия можно сравнить с их официальной стоимостью. Цена плановой закупки автоматической винтовки Симонова в 1937 году была 1393 рубля. Цена СВТ массовой серии была 880 рублей. Цена плановой закупки ППД-34 в 1936 году составляла 1350 рублей. 7,62-мм винтовка обр. 1891/1930 годов, в том же году заказывалась армией по цене 90 рублей, револьвер Нагана – 50 рублей, а ручной пулемет Дегтярева ДП-27 – 787 рублей.³⁵

Любопытно, что ремонт дорогостоящих автоматических и самозарядных винтовок Симонова и Токарева приравнивался к ремонту достаточно дешевых «мосинок» 1891/1930 годов.

А 1 июля 1942 года появляется приказ № 0528 «О переименовании противотанковых артиллерийских частей и подразделений в истребительно-противотанковые артиллерийские части и установлении преимуществ начальствующему и рядовому составу этих частей»³⁶, в котором сказано: «Установить премию за каждый подбитый танк в сумме: командиру орудия и наводчику – по **500 рублей**, остальному составу орудийного расчета – по **200 рублей**». Кроме того, было приказано установить начальствующему составу этих частей и подразделений полуторный, а младшему начальствующему и рядовому составу – двойной оклад содержания. Суммы премий определил лично Сталин, проставив вместо предлагавшихся в проекте приказа соответственно **1000 и 300 рублей**.

Опять экономия? Летом 1942 года, когда немецкие танки успешно наступали на юге страны, **1000 рублей** командиру орудия и наводчику за подбитый танк – это показалось много?

24 июня 1943 года появился новый приказ с «танковыми» расценками, № 0387. Показательно, что один он был подписан накануне «битвы моторов» – сражения на Курской дуге. В «Приказе о поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника» от 24 июня 1943 года сказано:

«Установить премию за каждый подбитый или подожженный танк противника расчетом противотанковых ружей: а) наводчику противотанкового ружья – **500 руб.**, б) номеру противотанкового ружья – **250 руб.** Установить премию за каждый уничтоженный (подбитый) танк противника экипажем нашего танка: командиру, механику-водителю танка и командиру орудия (башни) – по **500 руб.** каждому, остальным членам экипажа – по **200 руб.** каждому. Установить премию за каждый подбитый танк всеми видами артиллерии: командиру орудия и наводчику – по **500 руб.**, остальному составу штатного орудийного расчета – по **200 руб.** Установить премию в размере **1000 руб.** каждому бойцу и командиру за лично подбитый или подожженный танк противника при помощи индивидуальных средств борьбы. Если в уничтожении вражеского танка участвовала группа бойцов-истребителей танков, то сумму премии поднять до **1500 руб.** и выплачивать всем участникам группы равными долями»³⁷.

Индивидуальные средства борьбы – это гранаты и бутылки с горючей смесью. Поражительная скрупулезность в подсчетах. Дороже всего должны были платить пехотинцам, уничтожавшим вражеские танки гранатами или бутылками с горючей смесью. Получается, что танк, уничтоженный ими, обходился казне дороже, чем уничтоженный танкистами или

³⁵ Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

³⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 264–265.

³⁷ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 186.

артиллеристами. Но группа бойцов, уничтожившая вражеский танк, закидав его гранатами, должна была получить **1500 рублей**, а группа, эвакуировавшая КВ, – **5000 рублей**.

На примере «Приказа об установлении для водителей танков классов вождения» № 372 от 18 ноября 1942 года можно попытаться представить себе механизм принятия Сталиным решения об использовании фактора материальной заинтересованности.

В приказе сказано:

«Опыт боев показал, что успешные действия танков зависят, в первую очередь, от мастерства их водителей. Искусное управление танком, содержание его в постоянной готовности требует больших навыков и знаний. С целью повышения подготовки механиков-водителей танков и поощрения лучших из них, особенно имеющих большой опыт боевых действий, установить следующие квалификационные категории: мастер вождения танков; водитель танка 1-го класса; водитель танка 2-го класса; водитель танка 3-го класса... Водителям танков выплачивать ежемесячно дополнительное вознаграждение: мастеру вождения – **150 руб.**; водителю 1-го класса – **80 руб.**; водителю 2-го класса – **50 руб.**»³⁸.

Что же такое произошло 18 ноября 1942 года, что Сталин решил обратить внимание на подготовку механиков-водителей танков и решил поощрить мастеров вождения 150 рублями? На следующий день должна была начаться операция «Уран» – контрнаступление советских войск под Сталинградом. Решающая роль в наступлении отводилась танковым и механизированным корпусам. Казалось бы, логично было дождаться результатов операции и по ее ходу и результатам оценить уровень подготовки механиков-водителей танков. Но Сталин подписал приказ именно 18 ноября. Что же произошло?

Ответ на этот вопрос мы можем найти в мемуарах маршала Василевского:

«В первые дни операции ведущую роль играл Юго-Западный фронт, штаб которого находился в городе Серафимовиче. Там для меня Генштабом был подготовлен пункт руководства Юго-Западным, Донским и Сталинградским фронтами, предназначенными к участию в наступательной операции, куда я и собрался перебраться 17 ноября. Однако И.В. Сталин по телефону предложил мне прибыть 18 ноября в Москву для обсуждения одного из вопросов, касающихся предстоящей операции. Ничего более конкретного он мне не сообщил. В 18 часов в кремлевском кабинете Сталина проходило заседание Государственного Комитета Обороны. Сталин немедленно принял меня и предложил, пока шло обсуждение ряда крупных хозяйственных вопросов, ознакомиться с поступившим на его имя письмом командира 4-го механизированного корпуса В.Т. Вольского, предназначенного для выполнения решающей роли в предстоящей операции на участке Сталинградского фронта. Комкор писал в ГКО, что запланированное наступление под Сталинградом при том соотношении сил и средств, которое сложилось к началу наступления, не только не позволяет рассчитывать на успех, но, по его мнению, безусловно обречено на провал со всеми вытекающими отсюда последствиями и что он как честный член партии, зная мнение и других ответственных участников наступления, просит ГКО немедленно и тщательно проверить реальность принятых по операции решений, отложить ее, а быть может, и отказаться от нее совсем.

³⁸ Там же. Т. 13 (2–2). С. 369–370.

ГКО, естественно, потребовал от меня дать оценку письму. Я выразил удивление по поводу письма: в течение последних недель его автор активно участвовал в подготовке операции и ни разу не высказывал ни малейшего сомнения как по операции в целом, так и по задачам, поставленным перед войсками вверенного ему корпуса. Более того, 10 ноября на заключительном совещании он заверил представителей Ставки и военный совет фронта, что его корпус готов к выполнению задачи, а затем доложил о полной боеспособности и об отличном, боевом настроении личного состава этого соединения. В заключение я заявил, что никаких оснований не только для отмены подготовленной операции, но и для пересмотра сроков ее начала, на мой взгляд, не существует.

Сталин приказал тут же соединить его по телефону с Вольским и после короткого и отнюдь не резкого разговора с ним порекомендовал мне не обращать внимания на это письмо, а автора письма оставить в корпусе, так как он только что дал ему слово во что бы то ни стало выполнить поставленную корпусу задачу. Окончательно вопрос о нем как о командире корпуса должны были решить по результатам действий корпуса, о которых в первые дни операции Сталин приказал мне доложить ему особо»³⁹.

Вообще-то у генерала Вольского были все основания для беспокойства. Прежде всего вызывал у него тревогу слабый уровень подготовки танкистов. Характерно это было не только для 4-го механизированного корпуса.

В отчете о боевых действиях танковых войск 57-й армии за период с 1 ноября по 27 декабря 1942 года, приведенном военным историком Алексеем Исаевым в книге «Сталинград. За Волгой для нас земли нет», например, сказано:

«Подготовленность танковых частей к ведению боя, за исключением 90 и 235 ТБр, была низкая. Механики-водители танков имели малую практику вождения, а большинство из них в боевых условиях танков не водили и в боях не участвовали. Артиллеристы мало практически стреляли. Мотопехота была плохо подготовлена для ведения наступательных операций, и подразделения за неимением времени в тактическом отношении были плохо сколочены (особенно 13 МК)»⁴⁰.

У Вольского были все основания для беспокойства, и он счел необходимым доложить об этом в Ставку.

Алексей Исаев по этому поводу пишет:

«В таком изложении событий В.Т. Вольский выглядит в лучшем случае паникером, который элементарно не выдержал напряжения подготовительного периода крупной операции. Если же мы знаем, что танкисты корпуса Вольского пороку не нюхали и имели малый опыт вождения, письмо командира корпуса Верховному выглядит совсем по-другому. Архивные документы позволяют усомниться в столь тщательно нарисованной картине удивления А.М. Василевского после прочтения письма В.Т. Вольского. Сомнительно, чтобы он не имел ни малейшего представления о принципах комплектования участвовавших в операции „Уран“ соединений. Соответственно, вышеприведенный разговор с И.В. Сталиным представляется выдуманным от начала и до конца. Скорее всего,

³⁹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 228–229.

⁴⁰ Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 284.

просто было принято решение, что против румын и так сойдет. Как показали дальнейшие события – сошло»⁴¹.

Надо отдать должное маршалу Василевскому: докладывая Сталину о первых днях операции, Вольского чернить он не стал. Впрочем, действия его мехкорпуса не давали для этого оснований:

«Докладывая Верховному Главнокомандующему об успешном ходе операции, я сообщил об отличных действиях 4-го мехкорпуса В.Т. Вольского, войска которого проявили в первый же день операции исключительный героизм, мужество, отвагу и продвинулись, ломая сопротивление врага, на 20 км»⁴².

Видимо, ознакомившись с письмом Вольского, Сталин, решив не откладывать «Уран», в то же время озаботился уровнем подготовки механиков-водителей танков. И использовал ставший уже привычным метод материального поощрения.

⁴¹ *Исаев А.В.* Сталинград. За Волгой для нас земли нет. С. 286.

⁴² *Василевский А.М.* Дело всей жизни. С. 230.

Изобретатели не могут питаться «святым духом»

Получали премиальные не только фронтовики, но и создатели новой боевой техники. 3 марта 1943 года, например, был подписан «Приказ о награждении изобретателей Горюнова П.М., Воронкова В.Е. и Горюнова М.М.», в котором сказано:

«В 1942 году группа изобретателей разработала новый образец 7,62-мм станкового пулемета, который по своим эксплуатационным и производственным характеристикам значительно превосходит 7,62-мм пулемет Максима и не уступает последнему по боевым качествам. За создание хорошего образца станкового пулемета награждаю изобретателей тт. Горюнова Петра Максимовича, Воронкова Василия Ефимовича и Горюнова Михаила Михайловича по 5000 рублей каждого.

Заместитель Народного комиссара обороны маршал артиллерии ВОРОНОВ»⁴³.

Таким образом, премия, которую получили оружейники, равнялась той сумме, которую получали Герои Советского Союза – летчики, причем по высшей ставке – не три, а пять тысяч рублей.

Любопытный эпизод мы можем найти в воспоминаниях легендарного конструктора-оружейника Михаила Тимофеевича Калашникова:

«После прибытия из Москвы в Ташкент меня определили на одну из баз Среднеазиатского военного округа в Узбекистане. В помощь распоряжением командующего выделили несколько высококвалифицированных специалистов-рабочих, обеспечили помещением, инструментами, материалами. К моей работе было проявлено огромное внимание. Такое отношение тем более ценно, что происходило все это в военное время, в пору, когда на счету был каждый человек. О большой поддержке, оказываемой молодому конструктору командованием округа в его работе над образцом, свидетельствует, например, такой факт. 10 ноября 1943 года начальнику отдела изобретений Наркомата обороны СССР В.В. Глухову было отправлено письмо за подписью начальника отдела боевой подготовки САВО. В нем, в частности, говорилось: «Сообщаю, что согласно заданию Артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления Красной Армии конструктор Калашников М.Т. изготавливает на базе... заводской образец ручного пулемета по сделанному им самим образцу. Представленный им первый образец был рассмотрен и признан вполне отвечающим тактико-техническим требованиям. Срок готовности второго образца – 15 декабря 1943 года. По проведении предварительных испытаний тов. Калашников будет командирован к вам с образцом для окончательного заключения. Прошу санкционировать оплату расхода по изготовлению второго образца приблизительно **2000 рублей** и выплату зарплаты конструктору Калашникову из указанного вами расчета».

Разрешение В.В. Глухова последовало незамедлительно – телеграфом: «Оплату образца Калашникова и выплату жалованья **полторы тысячи** месяц санкционирую три месяца». Хотя я и был в то время старшим

⁴³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 87.

сержантом срочной службы, но числился уже профессиональным конструктором. И понятно, что не мог прожить на одном энтузиазме, «святым духом». Требовалось питание, нормальное снабжение продуктами, исходя, естественно, из мерок военного времени. Потому мне и установили временное денежное содержание»⁴⁴.

Итак, с точки зрения Калашникова, **полторы тысячи рублей** обеспечивали ему в 1943 году «нормальное питание»? К сожалению, Михаил Тимофеевич не указал, получал ли карточки или полагающееся старшему сержанту в тыловом округе довольствие.

Можно сопоставить затраты на конструкторов оружия с оплатой литературных работ по изданиям главных (центральных) управлений наркомата обороны.

Вот ставки авторского гонорара за один авторский лист (40 000 типографских знаков) в рублях, установленные в 1945 году:

1) военно-теоретические и исследовательские работы по вопросам: стратегии, оперативного искусства, оперативного использования родов войск и служб, военной истории и географии, а также по обобщению опыта иностранных армий по этим вопросам – **1500–3000**;

2) военно-теоретические и исследовательские работы по вопросам тактики всех родов войск и служб, а также тактики иностранных армий – **1000–2500**;

3) научно-исследовательские работы по вопросам военной техники и оружия – **1000–2500**;

4) описание боевой техники – **1000–2000**;

5) составление баллистических таблиц, если это является самостоятельным творчеством составителя – **1000–2000**;

6) учебники – **1500–2500**;

7) учебные пособия и руководства — **1000–2500**;

8) методические указания для занятий в военных академиях и институтах – **1000–2000**;

9) конспекты лекций, руководства к лабораторным работам, руководства к практике, курсы на правах рукописи **1000–2000**⁴⁵.

Получается, что гонорар за два авторских листа военно-теоретической работы по вопросам тактики равнялся премии за создание принятого на вооружение станкового пулемета (**5000 рублей**), а авторский лист с описанием боевой техники или баллистическими таблицами оплачивался так же, как вылет летчика на бомбардировку Берлина (**2000 рублей**), или 4 танка, подбитых наводчиком артиллерийского или танкового орудия (**500 рублей**).

Наверное, с точки зрения фронтовиков, такой подход вряд ли был справедливым. Впрочем, те, кто жег немецкие танки, с авторами военно-теоретических работ во время войны вряд ли часто общались. Система премирования за боевые успехи в принципе не могла казаться совершенной для всех.

⁴⁴ Калашников М.Т. Записки конструктора-оружейника. М.: Воениздат, 1992. С. 56–57.

⁴⁵ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 372–373.

Глава третья

Рубль на фронте

Возникает вопрос: а сколько же получали в месяц солдаты, офицеры и генералы и насколько значительными на этом фоне были премиальные выплаты? Что они реально значили и сколько вообще платили солдатам, офицерам и генералам?

27 сентября 1941 года Сталин в приказе № 0374 «О мерах по повышению эффективности использования автоматического оружия, материальной части артиллерии и минометов» предписал:

«Установить для заместителей командиров отделений – наводчиков орудий, минометов, первых номеров пулеметов и противотанковых ружей, а также бойцов стрелковых и кавалерийских полков, вооруженных пистолетами-пулеметами, повышенный оклад содержания по категории «Старший красноармеец» и выплачивать: наводчикам орудий и минометов **15 руб.** в месяц. Первым номерам пулеметов и противотанковых ружей **12 руб. 50 коп.** Бойцам, вооруженным пистолетом-пулеметом в стрелковых и кавалерийских полках, **12 руб. 50 коп.**»⁴⁶.

27 сентября 1941 г. Приказ о мерах по повышению эффективности использования автоматического оружия, материальной части артиллерии и минометов. № 0374.

Позднее для поощрения снайперского движения было приказано платить снайперам-ефрейторам по **25 рублей** в месяц⁴⁷, младшим сержантам по первому и второму году службы – **30 рублей**, по третьему году – **100 рублей**, сержантам – **35 и 200 рублей** соответственно.

Прямо скажем, разница между «доходами» снайпера и автоматчика на практике была малоощутима и мало что значила.

⁴⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13(2–2). С. 107.

⁴⁷ Там же. С. 233

«Гуляй, рванина, от рубля и выше»

Возникает вопрос: а кто же получал минимальное денежное содержание? Ответ мы можем найти в «Положении о штрафных батальонах действующей армии»⁴⁸ и «Положении о штрафных ротах действующей армии»⁴⁹, утвержденных заместителем Народного комиссара обороны СССР генералом армии Г. Жуковым 26 сентября 1942 года.

Надо напомнить, что в отдельных штрафных батальонах в качестве «переменного состава» отбывали наказание «лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». С 1943 года средних командиров стали именовать офицерами.

А в отдельных штрафных ротах – «рядовые бойцы и младшие командиры всех родов войск, провинившиеся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости». Им предоставлялась возможность «кровью искупить свою вину перед Родиной отважной борьбой с врагом на трудном участке боевых действий». Штрафникам, назначенным на должности младшего командного состава, выплачивалось «содержание по занимаемым должностям, остальным – в размере **8 руб. 50 коп.** в месяц». Полевые деньги штрафникам не выплачивались.

Помимо провинившегося «переменного состава» в штрафных подразделениях служили и те, кто принадлежал к так называемому «постоянному составу» – командиры и специалисты. Им, согласно Положениям, «сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращаются наполовину. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафного батальона засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев».

Можно предположить, что рядовой-штрафник получал меньше всех в Красной Армии – **8 рублей 50 копеек**.

Генералы и старшие офицеры получали несколько больше. С 1 мая 1943 года были установлены такие штатно-должностные оклады: командующий войсками фронта – **4000 руб.**, член Военного совета фронта – **3500 руб.**, первый заместитель командующего войсками фронта – **3400 руб.**, заместитель командующего по тылу – **3200 руб.**, начальник штаба фронта – **3200 руб.**, командующий армией – **3200 руб.**, член Военного совета армии – **2800 руб.**, заместитель командующего армией – **2600 руб.**, начальник штаба армии – **2600 руб.**, командующий воздушной армией – **3400 руб.**, начальник штаба воздушной армии – **2700 руб.**⁵⁰

В 1941 году всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу в гвардейских частях был установлен полуторный, а бойцам – двойной оклад содержания⁵¹.

Для начальствующего состава воздушно-десантных войск была установлена средняя зарплата между окладами начсостава ВВС и стрелковых войск. Для рядового и младшего начальствующего состава воздушно-десантных войск Красной армии был установлен кур-

⁴⁸ Там же. С. 312–314.

⁴⁹ Там же. С. 314–315.

⁵⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). С. 162.

⁵¹ Там же. С. 85–86.

сантский паек и заработная плата в размере на 25 % больше, чем в стрелковых частях соответствующих специальностей других родов войск⁵².

В 1942 году начальствующему составу истребительно-противотанковых частей и подразделений был установлен полуторный, а младшему начальствующему и рядовому составу – двойной оклад содержания⁵³.

⁵² Там же. С. 75.

⁵³ Там же. С. 264.

Как обеспечивались семьи военных

Согласно Постановлению Совета Народных Комиссаров СССР № 462 от 28 апреля 1943 года «Об обеспечении семей генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии умерших, погибших и пропавших на фронте без вести»⁵⁴ женам полагались единовременные пособия в размере (руб.):

	женам генералов	женам лиц старшего начальствующего состава (майоры, подполковники и полковники)
если в семье нет нетрудоспособных, состоявших на иждивении военнослужащего	50 000	10 000
при наличии в семье одного нетрудоспособного	75 000	15 000
при наличии в семье двух и более нетрудоспособных	100 000	20 000

Кроме того,

«за семьями генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести, закрепляется жилищная площадь, занимаемая ими по месту их постоянного жительства, а если эта местность временно оккупирована противником, семье предоставляется соответствующая жилищная площадь в избранном ею месте жительства;

б) учащимся детям генералов и лиц старшего начальствующего состава Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без вести, выплата пенсии производится до окончания образования, независимо от возраста, а отличникам – и независимо от выплаты им стипендии;

в) семьи генералов Красной Армии, умерших, погибших в боях, пропавших на фронте без вести, обеспечиваются литературным питанием и снабжаются продуктами и промтоварами наравне с семьями генералов, находящихся в Красной Армии;

г) при разрешении вопросов о назначении пенсии семьям генералов Красной Армии, умерших, погибших в боях и пропавших на фронте без

⁵⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). С. 143–145.

вести, жены генералов включаются в число лиц, имеющих право на пенсию, вне зависимости от возраста и трудоспособности.

3. Распространить Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1474 от 5 июня 1941 г. на семьи попавших в плен генералов Красной Армии, о которых имеются данные, что они не являются предателями».

Очень любопытный пункт. Следует отметить, что, вопреки устоявшемуся представлению, далеко не все попавшие в плен, в том числе и генералы, впоследствии были репрессированы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.